

Вокруг было темно и сыро: как и полагается в темнице. Пань Тань хотел бы сказать, что едва ли подобные испытания сломят его дух и убедят отказаться от начинаний, но это были бы слишком громкие слова: которые в мрачном молчании подземелья все равно остались бы неслышанными. Руки его, скованные цепью, болели, пальцы ног почти перестали ощущаться, а следы синяков и порезов, на какие раньше генерал не обратил бы и доли внимания, нещадно болели. Трудно было удержаться от тихих стонов и выдохов, но еще труднее в этом царстве холода и боли не забыть, для чего происходящее нужно. К несчастью его недругов, тело Пань Таня было подобно гранитной скале, а душа еще во много раз тверже — едва ли недра ее, что будто переняли стылый мрак темницы, могло бы что-то теперь пошатнуть.

За проведенное здесь время, в котором день нельзя было отличить от ночи, Пань Тань погрузился в некое подобие глубокой дремы: словно сквозь толщу воды до него донеслись в один момент звуки шагов и приглушенные сырыми стенами разговоры. Они раздавались все ближе и ближе, и вскоре стало понятно, что впервые за долгое время опального генерала решил навестить кто-то. Император ли это был, его сыщики или гвардейцы, идущие исполнить скоростижно принятый приговор — Пань Таню не было дела. Лишь сердце его вздрогнуло с яростным, беспомощно-горьким чувством от на мгновение возникшего перед внутренним взором единственного образа.

Голоса остановились у камеры, звякнула связка ключей и с неохотой заскрипели замки. Вскоре дверь открылась и глаза Пань Таня обжег яркий свет. На самом деле давал его единственный желтый фонарь на длинной бамбуковой жерди, который едва ли освещал камеру, оставляя углы ее темными и зловещими, но генерал света не видел так давно, что на его глазах выступили слезы.

— Оставь нас пока, — раздался молодой, звонкий голос. В ответ ему охранник сухо бросил:

— Как прикажете, господин Мин.

Привыкнув к свету, Пань Тань в самом деле разглядел в фигуре, что застыла на пороге его камеры, Мин Цзе, советника из ставки Третьего принца. Он почти не изменился с последней их встречи: черты его лица стали грубее, но глаза все так же оставались мягкими и извечно будто немного растерянными. На тонких губах юноши играла улыбка. В жестах Мин Цзе, однако, не было и капли смущения: дождавшись, пока охранник закроет дверь, он вздохнул и принялся за суетливую деятельность, говоря:

— Генерал, этот слуга приветствует вас. Хотел бы я спросить, как ваше здоровье... Но это в самом деле было бы ужасно грубо с моей стороны, — Мин Цзе отставил фонарь в угол, прислонив его к стене, достал из широкой сумки циновку и расстелил ее прямо на полу: так, чтобы Пань Тань мог дотянуться до нее, но не до молодого министра. — Впрочем, я надеюсь, сегодня мы можем отринуть притворную вежливость. Чего нам цепляться за традиции после стольких лет знакомства, верно? Любовь, вражда и ненависть — все это лучше оставить в прошлом, позволив своей душе счастливо переродиться...

— ...зачем ты здесь? — хрипло спросил генерал. Он чувствовал, как слова царапают пересохшее горло и голос звучит хрипло, надломлено. Двигать губами и лицом Пань Таню было сложно, но из-под спутанных волос Мин Цзе мог видеть его глаза, огонь в которых и не думал угасать.

— Проведать вас? — спросил молодой человек. В этот момент он достал из сумки пузатый кувшинчик вина и единственную чашу. Поглядев на это немного, Мин Цзе вздохнул. — Простите это притворство. Вы ведь и так все понимаете.

Пань Тань не ответил: конечно, не было трудно догадаться. Он давно сидел здесь, осужденный Императором, лишенный всех своих владений и титулов, отвергнутый друзьями и близкими. За генералом будто бы не было тяжкой вины — но ошибка за ошибкой содеянное им скапливалось, словно грязные воды Янцы в весенний паводок, и теперь потоки их несли генерала к единственному, что не оставило бы его в этом мире — к смерти.

— Император приказал? — спросил Пань Тань после нескольких мгновений молчания.

Мин Цзе, словно воодушевившись от этих слов, ответил:

— Нет, Император не знает. Я пробрался сюда тайно: поглядите, даже пришлось переодеться! — и молодой человек указал на свои одежды: темные штаны, простую рубаху и меховую безрукавку, которая искажала что длинну, что пропорции тела. Мин Цзе казался сейчас не молодым чиновником, который имеет важное место при Третьем принце, а дворцовым служащим или рабом. Он, однако, своего вида ничуть не смущался. — Вино, что я вам принес, подарок Третьего принца и... — Мин Цзе вдруг смутился. — Ну, вы и сами знаете.

Генерал невольно поджал губы. Что, не пожелал прийти сам, прислал вместо себя придворного шута Его Величества? Что о себе вообще думает этот, по фамилии Ли? Не считает ли он, что, забравшись высоко, теперь может не думать о приличиях и благодетелях?.. Впрочем, благодетели этому человеку никогда не были известны.

Мин Цзе кашлянул:

— Генерал, я знаю, что вы думаете по-другому, но мое нахождение здесь сегодня — последняя милость к вам. В сердце Императора вы все еще неприятная заноза и он ищет повода казнить вас: куда лучше будет не дожидаться этого в страданиях, а уйти достойно. С этим Третий принц в память о вашем давнем знакомстве хочет помочь.

Из складок одежд Мин Цзе достал небольшой пузырек из стекла с прозрачной жидкостью внутри. Открыв вино, он открутил крышку яда. Однако то ли Мин Цзе был неаккуратен, то ли крышка надета неправильно — пузырек чуть наклонился и несколько капель попало юноше на руку. Он досадливо цыкнул.

Неловкость его, попытки выглядеть внушительно, но трепет, из-за которого он не приближался к прикованному генералу близко — все это отчего-то успокаивало Пань Таня. Он осознавал, что в самом деле никогда больше не выберется из императорских застенков, и, несмотря на то, что не проникся словами Мин Цзе о доброте бывшего друга, готов был принять его «помощь». В самом деле, ни любви, ни ненависти теперь нельзя было добиться.

Мин Цзе вылил содержимое пузырька в вино, а после наполнил бокал для генерала и осторожно подвинул его к Пань Таню. Тот протянул руку: звякнули кандалы, которыми он был скован. Грязные, дрожащие пальцы коснулись сияющей бронзы с узором из облаков и лоз. Мин Цзе, заметив, что генерал не противится, облегченно вздохнул.

Взяв бокал, Пань Тань приблизил его в лицо и понюхал: пахло лишь сладким фруктовым вином, какое он полюбил на северных границах. Вероятно, если бы он отказался сейчас, то его еду попросту отравили и генерал даже не заметил бы этого: милость это, или издевка, что ему дали осознать последние свои минуты?

— Что это за яд? — спросил Пань Тань. Мин Цзе на миг задумался, а после ответил:

— Змеиная?.. эм, камень?.. Змеиный жемчуг?..

— Бай Шэчжэнь Чу, — догадался генерал, глядя на вино. — Жемчужина белой змеи. Без вкуса и без запаха, а к тому же... — он ухмыльнулся и поднял на Мин Цзе взгляд. — Пока у нас есть время, расскажи мне о делах в столице. Это поможет моей душе успокоиться.

— А, эм, конечно, — замялся на миг молодой человек, но после сказал. — В столице сейчас все благополучно. Министр Минь из министерства доходов после смерти Четвертой принцессы, своей внучки, подал прошение на отстранение себя от должности, и Император хочет его удовлетворить. У него есть приемник, его сын от главной жены, но на тот же пост метит Минь Сянцзян, наставник Третьего принца: его способности куда лучше, потому Его Величество сделает правильный выбор. Не так давно вернулись люди, которых посылали на поиски Пятого принца: они ничего не нашли, но в городе говорят, что секта просто отказалась выдавать своего адепта, и я склонен думать, что так оно и есть. Люди цзянху всегда бы до глупости упертыми, — Мин Цзе фыркнул и постарался вспомнить что-то еще из жизни столицы в последние месяцы.

— Ох, помните молодого господина поместья Фэн, Фэн Диши? После смерти старшего брата он стал главой рода, но едва ли его и его мать-наложницу кто-то уважает в побочных ветвях семьи. Тем не менее, он был представлен ко двору, но в первые же дни работы в министерстве сделал несколько ошибок: не серьезных, но все только и говорят о том, что род Фэн выродился. Впрочем, для нас это к лучшему: они издавна поддерживали Императрицу и Второго принца, а теперь Его Высочество лишился этой поддержки, — говоря, Мин Цзе почувствовал легкую слабость: должно быть от раннего часа и непривычной одежды, в которой он продрог. Опустившись на циновку и чуть ослабив воротник одежд, юноша продолжил.

— Для моего господина Второй принц сейчас единственная преграда. Он осторожен, умен и кроток, потому сподвигнуть его на ошибку или подставить крайне трудно. Должно произойти в самом деле что-то вопиющее, чтобы Император посмотрел с неудовольствием на этого своего сына, — Мин Цзе задумался, а после махнул рукой: — Впрочем, господин Ли что-нибудь придумает. Едва ли после вас Второй принц ему соперник.

Пань Тань только коротко хмыкнул. Теперь некоторые вещи он, долго время проведенный в темноте и одиночестве, понимал куда лучше человека напротив. Впрочем, генералу не было дела до чужих проблем. Одним глотком он осушил кубок с вином и спросил:

— Гао Нин и Лю Гуанмин. Как они?

— Ох, о них давно ничего не слышно: после похорон они покинули столицу, — честно ответил Мин Цзе. Сердце Пань Таня дрогнуло:

— После похорон?

— Да, — ответил молодой человек с долей неловкости, а после, решив, что отступить уже поздно, продолжил. — Их сын тяжело заболел и, к сожалению, скоростижно отправился к вратам подземного царства. Лекари сказали, что виной всему холод и дурная ци, ничего нельзя было сделать. Это в самом деле ужасно, очень трагично.

Пань Тань ничего не ответил. Тело его под действием яда расслабилось и впервые за долгое время он ощутил окутывающее душу тепло. Дышать становилось тяжелее.

Мин Цзе кашлянул. Горло его отчего-то начало зудеть, а руки и ноги наливались слабостью все более и более. Юноша только теперь понял, что происходит нечто странное и нахмурился. Он попытался подняться — но тут же рухнул обратно.

— Что?.. — удивленно пробормотал Мин Цзе.

Пань Тань, глядя на него, улыбался.

— Ты вроде чиновник и водишься с лицемерными людьми, — сказал он. — Почему же сам так глуп?

— О чем вы говорите, генерал? — нахмурился Мин Цзе и тут же пожурил. — Я пришел к вам сюда сегодня, а вы оскорбляете меня?

— Этот генерал говорит правду, — отозвался Пань Тань. Тело его расслаблялось все более и более, но в то же время горло сжималось и дышать становилось тяжело: словно вокруг мужчины кольцами обвивалась змея. Бай Шэчжэнь Чу был милостивым ядом, его использовали для умерщвления наложниц или неугодных Императоров прошлой династии: отравленный им почти не испытывал боли и только мягко засыпал, чтобы больше никогда не проснуться. Пань Тань сказал: — Дела у твоего принца идут хорошо... Я думал, что Император видит истинную его натуру и не допустит к власти, но старика интересует лишь собственная честь. Его сын будет следующим Императором, и не важно, настолько он двуличен и злобен, верно? Такова натура этого проклятого рода.

Мин Цзе было возмутился грубым словам, сказанным в адрес Императора и его господина — но горло его сжималось все более и более, и слова получались сдавленными, задушенными. Чувствуя слабость в ногах и руках, Мин Цзе на силу поднялся и заколотил в дверь камеры. Охранник должен был дожидаться его знака неподалеку — но коридор ответил лишь мрачной тишиной. Мин Цзе хотел закричать, но сил у него не осталось.

— Бай Шэчжэнь Чу очень ядовит, — глядя на попытки юноши открыть дверь, сказал Пань Тань. — Не только выпить его — достаточно нескольких капель, попавших на кожу, чтобы человек был отравлен. Твой «друг» не сказал тебе об этом?

Мин Цзе, тщетно пытаясь выровнять дыхание, посмотрел на генерала:

— Что вы?..

Он двигался и волновался, невольно разгоняя яд по жилам сильнее, тогда как Пань Тань сидел спокойно, чувствуя, как немеют руки и дожидаясь неизбежного конца. Из-за этого ему удалось сохранить голос ровным:

— Чтобы одолеть Второго принца нужна невероятная история, да? Как насчет смерти бесполезного придворного, которого продвигал сам Император? Достаточно дерзко?

— О чем вы говорите?..

— Ммм, просто размышляю вслух, — отозвался Пань Тань и прикрыл глаза. Сил держать их открытыми больше не было. — Когда бой закончился, лук убирают. Третий принц обладает единственным достоинством: он знает, когда оружие нужно обнажить, а когда он него пришла пора избавиться.

Мин Цзе прохрипел что-то в ответ и генерал услышал, как он упал на пол. Юноша еще дергался и пытался что-то сказать — но Пань Таню не было до него дела. Чувствуя, как медленно его душа погружается в мягкую дрему, генерал думал о содеянном и том, что сделать ему не удалось.

В сердце его жили сожаления. Если бы он не был так доверчив? Так слеп? Если бы нежные чувства, которые он с трепетом в себе выращивал, не ослепили его, и сердце было бы твердым, словно камень — ждала бы его подобная судьба? Смог бы он забрать причитающееся себе? Генерал не мог найти ответов на эти вопросы.

Если бы у него был еще один шанс, стал бы он счастлив?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1768205>